

Николай Добролюбов

Афины и Константинополь.

А. Милюкова. –

Турецкая империя. Сочинение...

Николай Александрович Добролюбов

Афины и Константинополь. А. Милюкова. – Турецкая империя. Сочинение А. де Бессе

«...Верите ли, что из книги в 300 с лишком страниц, с длинным заглавием <...> – можно узнать о Турции гораздо меньше, нежели из путевых очерков г. Милюкова, в которых посвящено страничек сто Константинополю!.. У г. Милюкова есть, например, параллель Константинополя с Москвою, чего вы у г. Бессе уж никак не найдете. Кроме того, в путевых записках г. Милюкова вы читаете характеристику страны и народа, научаетесь понимать хоть отчасти и современное положение Турции и значение исторических судеб ее. В книге г. Бессе нет ничего подобного...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0015

**Николай Александрович
Добролюбов**
Афины и Константинополь.
**А. Милюкова. – Турецкая
империя. Сочинение А. де
Бессе**

АФИНЫ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ. Путевые записки А. Милюкова. СПб., 1859
ТУРЕЦКАЯ ИМПЕРИЯ. Ее история, статистика, география, политическое состояние, нравы и обычаи. С присовокуплением словаря турецких слов. Сочинение Альфреда де Бессе. Москва, 1860

Верите ли, что из книги в 300 с лишком страниц, с длинным заглавием, напоминающим «Россию» г. Булгарина,[1] – можно узнать о Турции гораздо меньше, нежели из путевых очерков г. Милюкова, в которых посвящено страничек сто Константинополю!.. У г. Милюкова есть, например, параллель Константинополя с Москвою, чего вы у г. Бессе уж никак не найдете. Кроме того, в путевых записках г. Милюкова вы читаете характеристику страны и народа, научаетесь понимать хоть отчасти и современное положение Турции и значение исторических судеб ее. В книге г. Бессе нет ничего подобного. Большая часть книги занята формулярным списком Турции и ее султанов: когда родился, в каких был походах, какие имения приобретал, какие знаки отличия получал, не был ли под судом и пр. Но главный предмет всего формулярного списка, названного, по старой памяти, *историей* Турции, составляет прославление силы русского оружия в войнах с турками. Целая треть книги посвящена исключительно этому предмету, и беспрерывно попадают фразы вроде следующей:

Штурмующие не могли проникнуть в крепость условленными путями, но, увлеченные мужеством, они бросились на стены и, без сомнения, проникнули бы во внутренность города, если б начальство, дорожа кровию русскою, не повелело им отступить (стр. 140).

Как видите, даже и карамзинская манера есть у г. Бессе; чем не историк – особенно для Турции?..

За историей идет «состояние политическое и религиозное; нравы и обычай». Этот отдел занимается перечислением разных предметов, вроде того, что «части армии в Турции суть: инфантерия, кавалерия, артиллерия и пр.», или что «число придворных пажей простирается до 500 человек»... Кроме перечня, есть и объяснения в таком роде:

Правительственная организация, равно как всё прочие нововведения, водворенные Махмудом в империи Оттоманской, впечатлевают на всех отраслях власти, за исключением отличий и прав улемов, особенность, которая свидетельствует о совершенном познании дела и которой султан был

обязан тем, что все сии реформы совершил он, не встретив серьезных препятствий со стороны этого важного сословия в империи (стр. 175).

И тут конец объяснению: что это за особенность, которая свидетельствует, и пр., – остается тайною г. Бессе и, может быть, книгопродавца Манухина, издавшего его книгу.

Затем представлен географический перечень, о точности которого можно судить по тому, что во всех турецких владениях в Европе, Азии и Африке показано 21 000 кв. миль, а о Черном море сказано, что «оно есть не что иное, как обширное озеро, и имеет все свойства *оного*».

Книга г. Бессе принадлежит, как видите, к числу тех бесполезных и мертвых произведений, которые являются – или как плод спекуляции, или как продукт схоластической, безжизненной учености. Впрочем, скорее можно причислить ее к спекуляциям. Для различения этих двух родов существуют следующие признаки.

Книга-спекуляция имеет громкое и длинное заглавие, печатается неопрятно и неис-

правно, составляется неаккуратно, с широкими замашками, но без выдержки, с крайней небрежностью. С первых страниц вы видите, что книга составлена сплеча... Но иногда в такой книге вы встречаете даже и признаки дарования.

Книга – плод схоластики – тоже имеет громкое и длинное заглавие; но в нем всегда есть некоторое глубокомыслие и претензия на скромность. Печатается она тоже не всегда опрятно, но большею частью очень исправно. Широкие замашки всегда в ней бывают обрубаны в предисловии; а затем начинается аккуратнейший, кропотливейший подбор самых мелких мелочей, доходящий иногда до того, что от букв – от напечатанных букв – начинает пахнуть потом. Признаки дарования в подобных книгах тоже иногда встречаются, но уже в чахоточном виде.

Но общее в обоих этих родах книг – то, что из них вы никогда не узнаете сущности предмета, его внутреннего характера и настоящего значения. Этому условию вполне удовлетворяет и «Турция» г. Альфреда де Бессе. Мы уже заметили, что гораздо больше, чем из его

книги, можно узнать о Турции из путевых записок г. Милюкова, хотя он вовсе и не имел в виду представить полную характеристику Турции...

Записки г. Милюкова читаются очень легко, хотя он и распространяется иногда в очень длинных, описаниях картин природы (большею частью недоступных описанию) и памятников искусства. Нас занял, между прочим, контраст, представляемый живым народом Афин с неподвижными стамбульскими турками. В Афинах греки бегают, шумят, толкуют, спорят, жалеют, что Демосфена теперь нет у них... Это забавное сожаление, выраженное одним студентом афинским, подробно передано г. Милюковым. Оно показывает, что и в нынешних греках бродит недовольство настоящим и что-то такое, похожее на любовь к национальной свободе... «О чем теперь говорить Демосфену?» – возразили студенту; и он, немедленно разгорячившись, начал толковать (стр. 47):

– Как о чем? Да разве Греция так счастлива и народ доволен, правительство до того твердо и бескорыстно,

что старому оратору осталось бы только молчать от удовольствия! О чем говорить ему! Да неужели некого обличать теперь? Разве в наше время он не нашел бы в Греции ни пронырливых Филиппов, ни продажных Эсхинов? И вы думаете, – он остался бы доволен и молчал, когда у нас строят мраморные дворцы, а нет нигде проезжих дорог; когда ежегодно тратят десятки тысяч драхм на поливку королевского сада, а столичные улицы освещаются не газом и даже не маслом, а одной кроткой луною.

– Да вы читаете настоящую филиппику...

– Нет, это только слабая оттониада, [2] – возразил студент, одушевляясь еще более. – Неужели, думаете вы, не возмутило бы Демосфена это преследование книгопечатания и ограничение свободы мыслей, эти подкупы на выборах и интриги в министерстве, эта продажность законов и вопиющая несправедливость наших маститых архонтов. Нет, он сорвал бы маску с этих бесстыдных правителей и судей и заставил бы привести их – вот на

этот холм.

И он указал на то место, где был Ареопаг.

А в самом деле – в этом народе как будто есть какое-то право говорить этакие речи... Все его окружающее как-то оправдывает его восторженность. У него и Демосфен был и Ареопаг был...

И не только шумят да декламируют афиняне; они серьезно интересуются политикой, серьезно учатся, и это не в одном привилегированном классе, а во всех званиях. Афинский университет открыт для всех, без всякой платы, и молодежь умеет ценить это благодеяние.

Здесь, – говорит г. Милюков, – водятся всякого рода студенты – даровитые и почти бездарные, богатые и почти нищие, но нет, говорят, студента, который бы ничего не делал. Того известного типа молодого человека, который надевает студентский сюртук для того, чтобы блистать в кондитерских и театрах, в Афинах не существует (стр. 74).

Само собою разумеется, что университет всех принимает радушно, и за то молодые люди платят ему самой пылкой приверженностью к нему и к науке.

Были случаи, – рассказывает г. Милюков, – что иной приходил в город с несколькими драхмами в кармане и определялся слугою или мальчиком в какой-нибудь магазин, требуя за свои труды только кусок хлеба да три часа в день для посещения лекций.

То же самое, что университет для молодежи, составляет институт, Арсакеон, – для девочек. В нем есть и казенные воспитанницы и приходящие; большая часть приходящих принадлежит к беднейшему классу городских жителей. Почти все по окончании курса расходятся на места гувернанток или учительниц в провинциальные школы.

«А если не найдется места?» – спросил наш путешественник свою прачку, у которой дочь тоже ходила в Арсакеон. «Так что же, – отвечала гречанка, – разве образование помешает ей стирать белье? Она и теперь иногда помо-

гает мне» (стр. 77).

Любовь к образованию простирается до того, что, не довольствуясь школами, существующими в Афинах и других городах, жители деревушек сами часто отыскивают и нанимают какого-нибудь бедного учителя и поочередно дают ему постель и обед.

И все-таки этот народ не имеет никакого значения, все-таки не добился внутреннего устройства, которым бы мог быть доволен!.. И только волнуются понапрасну горячие люди, подобные студенту, декламировавшему пред г. Милюковым...

Турки – те уже, кажется, благоразумнее: их ничто не тревожит, ничто не занимает... Нас недавно упрекали, на французском диалекте, за то, что мы очень апатичны и мало интересуемся общественными делами.[3] Но нас еще что же упрекать? Посмотрите-ка, что в Турции делается: то ли еще увидите!.. Во время житья г. Милюкова в Константинополе разыгрывалась, например, история с дунайскими княжествами. Слухи носились изумительные, французский посланник торжественно снимал свой флаг, готова была, по-

видимому, разразиться новая война; европейское население города бегало, хлопотало, догадывалось, кричало и беспокоилось ужасно. А турки сидели себе преспокойно в кофейных; никто и не спросил о том, чего хочет англичанин и о чем хлопочет француз. Ни один турок не любопытствовал даже взглянуть на торжественнейшую церемонию с пушечной пальбой, сопровождавшую снятие французского флага. Франки же сами и бегали смотреть на эту торжественную сцену!.. Наконец в Константинополе разнеслись слухи, что русская армия вступила уже в Валахию: [4] и тут ни один турок рта не раскрыл, пальцем не пошевелил... Как сидел, курил себе в кофейной, так и остался в своем невозмутимом кейфе...

Вот это так действительно спокойствие, тишина и неподвижность! На это можно любоваться или рассердиться, как кому лучше нравится... А мы что! Нас еще можно назвать беспокойными и неугомонными сравнительно с мудрыми подданными Высокой Порты!.. Успокоимся же, читатель, и да не возмущают нас никакие упреки!

Примечания

Впервые – «Совр.», 1859, № 11, отд. III, стр. 98–102, без подписи. Авторство Добролюбова устанавливается гонорарной ведомостью «Современника» за 1859 год (ЛН, № 53–54, стр. 256) и подтверждается также тем, что цитаты из книги Милюкова есть в начале рецензии «"От Москвы до Лейпцига" Бабста» (в том же номере «Современника»); презрительное упоминание о сочинении Булгарина «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» встречается и в статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (см. т. 3 наст. изд.); есть намек на книгу Жеребцова и в настоящей рецензии (см. ниже прим. 3).

А. П. Милюков (1817–1897) – историк литературы, известен «Очерком истории русской поэзии» (1847) (см. статью Добролюбова «О степени участия народности в развитии русской литературы» в т. 3 наст. изд.).

Комментарии

Имеется в виду книга «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» (ч. 1–6, СПб., 1837). Истинный ее автор – профессор Дерптского университета Н. А. Иванов. Издана под именем известного своей реакционностью журналиста Ф. В. Булгарина, финансировавшего ее издание.

[^^^]

Филиппики – обличительные речи греческого оратора Демосфена (384–322 до н. э.) против Филиппа II Македонского, установившего гегемонию над Грецией. Под *оттонами* подразумевается политическое выступление против Оттона I, короля Греции. Свергнут с престола в 1862 году в результате восстания.

[^^^]

Очевидно, имеется в виду автор «Опыта истории цивилизации в России» (1858) славянофил Н. А. Жеребцов (см. статью Добролюбова «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» – т. 3 наст. изд.).

[^^^]

Имеется в виду конфликт 1857 года, создавшийся в итоге противодействия Турции, Англии и Австрии политическому объединению Молдавии и Валахии.

[^^^]